УДК 39:398(=511.152.2)(045)

Т.А. Козлова

Хозяйственные занятия мордовского народа в произведениях устно-поэтического творчества

Аннотация. Показывается важность привлечения устно-поэтического творчества мордовского народа как источника для изучения материальных компонентов традиционной культуры этноса, рассматривается хозяйственное занятие мордвы, значительное место в котором принадлежало скотоводству.

Ключевые слова: материальные компоненты традиционной культуры мордовского народа, устно-поэтическое творчество мордовского народа, хозяйственные занятия мордвы.

T.A. Kozlova

Economic activities of Mordovian nation in the works of oral poetry

Summary. The article shows the importance of involving of oral poetic creativity of Mordovian people as the source for study of the material components of traditional culture of the ethnic group. The article discusses economic activity of Mordva, where significant place belonged to cattle-breeding.

Keywords: material components of traditional culture of Mordovian people, oral poetry of Mordva people, economic activities of Mordva.

Проблема изучения народной культуры и, в частности, ее материальной сферы, является традиционной для мордовской этнографии.

Привлечение фольклорных материалов для изучения жизнедеятельности этноса, бесспорно, является актуальным, так как в них отразились многовековая история, хозяйство и культура, общественный и семейный быт народа, его взаимосвязи с другими этносами, религиозные верования и народные знания. В силу этого они являются одним из наиболее часто привлекаемых видов источников в этнографической науке. О важности этого вида источников говорит тот факт, что в 1970-е гг. в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде) было проведено несколько научных конференций, целью которых была выработка единой методики использования фольклора как историко-этнографического источника.

Особенно важно привлечение фольклора как источника для изучения истории и культуры народов, не имевших в прошлом письменности. Так, произведения устно-поэтического творчества широко используются при изучении народов европейского севера России,

Сибири, Дальнего Востока, а также народов Поволжья [1; 2].

Актуальным является использование фольклорных источников и при изучении жизнедеятельности мордовского народа, так как до 1920-х годов функционирование мордовской письменности было ограничено небольшими масштабами: словарями, переводами христианских текстов, публикациями произведений устно-поэтического творчества, а также незначительным количеством учебной литературы. Поэтому мордовский фольклор является тем фундаментом, на основе которого можно восстановить особенности быта и культуры народа, в том числе и ее материальной сферы.

Изучение фольклорных источников позволяет реконструировать архаичные формы вещественного быта мордвы, а также проследить тенденции развития отдельных материальных компонентов и их взаимодействие в процессе исторического развития. В фольклоре часто изображаются занятия мордвы, подробно описываются важнейшие моменты их скотоводческих занятий. Так, труду скотовода посвящено много пословиц, которые напоминают, что

животные требуют тщательного ухода: «Каков за скотиной уход, таков от скотины и доход», «Скотину не держать – мяса не видать», «Каков хозяин – такова и скотина» [3, 96–97].

Мордовские крестьяне содержали лошадей, а также мелкий и крупный рогатый скот (коров, овец), свиней и домашнюю птицу (кур, гусей, меньше уток). Так, в мокшанской сказке «Мачеха» говорится: «Выглянула мачеха в окно – неродная дочь гурт скота гонит. Отец вышел навстречу, открыл ворота: лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, куры» [3, 217]. О домашних животных мордва сложила и много загадок, в которых в образной форме показаны их характерные черты: «И зимой, и летом ходит в шубе да кафтане» (овца); «Не болеет, а охает» (свинья); «Ничего не потеряла, а ищет» (курица) [4, 392].

С древнейших времен в хозяйстве мордвы важную роль играла лошадь. Она использовалась как тягловая сила, без которой невозможно было успешно хозяйствовать. Поэтому издревле среди мордвы было распространено почитание коня.

В мордовском фольклоре конь изображается идеализированным героическим помощником человека, без которого не мыслилось земледелие. Поэтому, например, в цикле песен о змее и охотнике лошадь стыдит бездельника-охотника за то, что он пренебрегает основной крестьянской работой – обработкой земли:

– Уж ты, Андямо, добрый молодец!

Ты (Андямо) охотник славный.

Тридцать лет я на свете прожила,

Я двенадцать раз жеребилась,

И то поле вспахала,

И то поле заборонила... [5, 164].

Мордовские крестьяне, понимая, что лошади являются залогом и источником их благополучия, старались заботиться о них всеми доступными средствами. Одним из них была организация молений о здоровье и размножении лошадей, которые совершались вплоть до начала XX в. До христианизации на них обязательно забивали в жертву жеребенка или взрослое животное. Впервые этот обряд описал в своей книге «Путешествие в Тану» венецианский купец Иосафат Барбаро: «В известное время года они берут лошадь, которую

приобретают сообща, и привязывают ее все четыре ноги к четырем кольям, а голову – к отдельному колу. Все эти кольца вбиты в землю. Затем приходит человек с луком и стрелами и стреляет в сердце до тех пор, пока не убьет лошадь. Потом ее обдирают, из шкуры делают мешок, над мясом делают какие-то обряды и съедают его; шкуру туго набивают соломой и зашивают ее так искусно, что она кажется цельной; вместо каждой из ног подставляют брусок из дерева – так, чтобы лошадь могла стоять живая, на ногах. Наконец они идут к какому-нибудь большому дереву, обрубают соответствующим образом сучья и прилаживают сверху помост, на который и помещают эту лошадь стоймя. В таком виде они ей приклоняются и приносят в дар соболей, горностаев, белок, лисиц и другие меха...» [6, 134–135].

Мордва занималась и разведением крупного рогатого скота, который составлял вторую основную отрасль животноводства. Коров держали главным образом для нужд личного хозяйства.

Была у бабушки буренка,

Иди, бабушка, подои,

Иди, бабушка, выдои.

На молоке свари кашу,

С маслицем испеки лепешку [7, 35–36].

Корова считалась кормилицей крестьянской семьи, так как молочные и мясные блюда занимали ведущее место в рационе питания мордовского населения. Особенно часто молочные продукты включались в состав детского меню. Недаром мордовская пословица гласит: «Корова для детей – вторая мать» [3, 97]. Поэтому в детском фольклоре довольно часто встречаются упоминания о ней. Так, колыбельные песни «Была у бабушки коровушка», «У бабушки утонула коровушка», «У бабушки утонула Буренушка» и др. не только знакомят детей с внешностью и повадками животного, но и учат их тому, что всегда нужно помогать не только людям, но и животным, попавшим в несчастье:

У бабушки утонула Буренушка,

У бабушки утонула коровка.

Пошла Анна – вытащила.

За хвост уцепившись, привела ее [8, 336].

Забываясь о сохранности и благополучии поголовья коров, о том, чтобы они давали больше продукции и потомства, мордва устраивала скал озкс (моление о коровах). В деревне Вязовка Хвалынского уезда Саратовской губернии это моление устраивали перед Вознесением. Все, что необходимо было для проведения церемонии, приобреталось на общие средства. Праздник проходил на холме, около берез. Им руководили четверо мужчин, которые переизбирались каждый год [9, 344–345].

Мордовские крестьяне издавна занимались разведением и других видов скота: овец, коз, свиней, домашней птицы. Наиболее часто о домашнем скоте упоминается в сказках о животных. Их герои наделены человеческими чертами, говорят на понятном людям языке. В сказках описывается внешний вид животных, их взаимоотношения с людьми, с дикими зверями, с природой. Наиболее популярными среди них являются сказки о зимовье зверей, когда убежавшие в лес бык, баран, гусь, утка и петух защищают свой дом от диких зверей (зайцев, лисы и волка) – «В лесной избушке» [10, 14–17], «Бык и волк» [3, 23–26].

Домашнему скоту и, особенно птицам (курам, гусям), посвящены многие детские фольклорные произведения. Например, колыбельные песни знакомят ребенка с внешностью и повадками птиц:

У бабушки моей есть курочка,
В сенях-то ее гнездышко.
Она два яйца снесла [8, 333].

Для лучшего сохранения поголовья овец, свиней, домашней птицы мордва также устраивала моления. Так, в Городищенском уезде Пензенской губернии баран озкс устраивали на Петров день. В Нижегородской губернии подобное моление проводилось осенью, в день св. Антонины, которую мордва отождествляла с покровителем овец Реве пазом [11, 58].

Вплоть до начала XX в. у мордвы проводилось моление, посвященное покровителю свиней. Так, вечером под Новый год она чествовала покровителя свиней Тувонь-паза. К этому событию, как и на Рождество, забивали свинью. Если хозяева не могли себе позволить заколоть подряд двух животных, то они оставляли от рождественской свиньи ножки, которые варили. Тувонь-паза молили уберечь свиней

от волков, а также дать как можно больше поросят: «черных и белых, каких сам любишь» [11, 104]. В жертву божееству в хлеву оставляли свиные уши, ноги и хвост.

Мордва проводила моления и о домашней птице. Как правило, они были исключительно женскими. В Вознесение симбирская эрзя устраивала сараз озкс (моление о курах), а в Пензенской губернии заступниками птиц считались Кузьма и Демьян, в день почитания которых и делали кузьма озкс. Вероятно, что последний обычай возник после христианизации мордвы, под влиянием русских, которые также считали этих святых покровителями домашней птицы и забивали в их честь кур и петухов [12, 134].

В устно-поэтическом творчестве мордвы отражены и важнейшие моменты в скотоводческом хозяйстве. Одним из них был первый выгон скота на пастбище и начало зимнего стойлового его содержания. Весенний выгон был заметным моментом в сложной социальной организации крестьянского хозяйства. Ему предшествовал наем пастухов и подпасков, от умения которых зависело сохранение и приумножение животных, количество полученной от них продукции. Организация летней пастбы была довольно сложной социальной механикой: требовался договор хозяев в вопросе о пользовании угодьями, о продолжительности выпаса – как каждодневного, так и в целом сезонного, о способах оплаты пастуха. Пастухами могли быть как односельчане, так и люди, нанятые со стороны. Например, В.Н. Белицер писала, что мордва-каратаи обычно нанимали в пастухи татар из соседних деревень [13, 234]. О пастухе-чувахе упоминается и в песне «Чувашский парень»:

Ой, в превеликом поле высокий холм,
На вершине холма растет осинник,
Ой, осинник, дубовая роща.

Вокруг той рощицы пасется конский табун,
Конский табун, лошадиный табун [5, 351].

В фольклоре мордвы имеется целый цикл песен о найме пастуха. В них повествуется о том, что это делалось на сельском сходе:

В селе созвали старики людей,
И эрзянский парень пришел на сходку,
И эрзянский юноша явился к людям.

Здравствуйте, молодые дяденьки!
Наймите меня сельское стадо спасти.
Доверьте за скотом ходить.
Сельские старики эрзянского парня пожалели,
Доверили сельское стадо пасти [5, 346–347].

В этих песнях пастухами, как правило, избираются молодые парни, потерявшие родителей, которые берутся за эту нелегкую работу из-за своего бедственного положения:

Григорьев Васенька –
Белокурый, красивый.
Он вырос
В чужих краях,
В селе Усад
Пас стада,

Волоча кнут.
На плечах его
Пастуший кнут,
Лубяной кузов
У него на спине.
Его пастбище –
Зеленый луг,
Место для обеда –
Берег реки.
Хлебец водой намочит –
Накушается [8, 290–291].

Таким образом, устно-поэтическое творчество мордовского народа служит важным этнографическим источником, из которого можно почерпнуть сведения о хозяйственных занятиях этноса, значительное место в которых принадлежало скотоводству.

Литература

1. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
2. Пименов В.В. Чудские предания как источник по этнокультурной истории европейского севера СССР / В.В. Пименов // СЭ. 1968. № 4. С. 30–42.
3. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. Т. 3. Ч. 2. Эрзянские сказки / под ред. А.И. Маскаева. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. 382 с.
4. Евсевьев М.Е. Избранные труды. Т. 3. Мордовские народные сказки и загадки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1964. 412 с.
5. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни / сост. Л.С. Кавтаськин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 400 с.
6. Барбаро и Контарини о России. Л.: Наука, 1971. 275 с.
7. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. Т. 8. Детский фольклор / под ред. В.П. Аникина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1978. 300 с.
8. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 10 т. Т. 2. Лирические песни / под ред. Э.В. Померанцевой. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. 372 с.
9. Harvo V. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, Academia Scietiarum Fennica, 1952. 456 s.
10. Мордовские народные сказки / сост. К.Т. Самородов. Изд. 2-е. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1971. 416 с.
11. Мельников П.И. (Печерский А.). Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 134 с.
12. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Изд-во Индрик, 1994. 400 с.
13. Белицер В.Н. Мордва-карагаи и их культура (К вопросу о происхождении) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 225–227.
14. Козлова Т.А. Мордовский фольклор как источник изучения хозяйственной жизни этноса / Т.А. Козлова // Российский научный журнал. 2011. № 3 (22). С. 66–69.

References

1. Kuzeev R.G. The origin of the Bashkir people: Ethnicity, history of settlement. Moscow: Nauka, 1974. 571 s.
2. Pimenov V.V. Chud tradition as a source for ethnic and cultural history of the European North of the USSR / V.V. Pimenov // SE. 1968. № 4. S. 30–42.
3. Oral-poetry Mordva people: 10 3 vols. Part 2. Erza fairy tales / ed. A.I. Maskaev. Saransk face. Prince. Publishing House, 1967. 382 s.
4. Eusebius ME Selected Works. V. 3. Mordovskie folk tales and riddles. Saransk: Mord. Prince. Publishing House, 1964. 412 s.
5. Oral-poetry Mordva people: 10. T. 1. Epic and lyric-epic songs / comp. L.S. Kavtaskin. Saransk face. Prince. Publishing House, 1963. 400 s.
6. Barbaro and Contarini of Russia. Leningrad: Nauka, 1971. 275 s.
7. Oral-poetry Mordva people: 10 tons T. 8. Children's Folklore / ed. V.P. Anikin. Saransk face. Prince. Publishing House, 1978. 300 s.
8. Oral-poetry Mordva people: 10 2 vols. Song lyrics / ed. E.V. Pomerantseva. Saransk face. Prince. Publishing House, 1965. 372 s.
9. Harvo V. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, Academia Scietiarum Fennica, 1952. 456 s.
10. Mordovia Folk Tales / comp. K.T. Samorodov. Ed. 2nd. Saransk face. Prince. Publishing House, 1971. 416 s.
11. Melnikov P.I. (Caves A.). Essays mordvy. Saransk face. Prince. Publishing House, 1981. 134 s.
12. Zelenin D.K. Selected Works. Articles 1901–1913 of the spiritual culture. Moscow: Publishing House of the Indrikis, 1994. 400 s.
13. Belitser V.N. Mordovians-Karatay and Culture (On the origin) // Problems of the ethnic history of the people of Mordovia. Proceedings of Mordovia ethnographic expedition. MY. 1. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. S. 225–227.
14. Kozlova T.A. Mordovsky folklore as a source for studying the economic life of the ethnic group / T.A. Kozlov // Russian scientific journal. 2011. № 3 (22). S. 66–69.